

CMEH

ЖУРНАЛ РАФ

МОЛОДЫЙ

ени и у (Конотоп). — Задавалась ли вы вопросом — для кого и для чего вы пишете ваш рассказ? Кого вы начали для такого беспечного и неподобного подражания. Напрасная тратя бумаги и времени.

В Усачеву (Томск). — «В зато не — не пойдет; написано слабо и сам факт не годится для расследования.

Б. Морозову (Яранск). — Причине не пойдет — рассказ у тебя получился.

Г. Игнатьеву (Красноярск). — Стихи слабые, напечатаны быть не могут.

П. Хромову (Кубань). — Стихи не пойдут, письмо едва ли сможем напечатать лучше попробуй прислать бытовой очерк.

А. Мартышову (Ростов и Дон). — «История актинга» с пропагандой, вероятно, напечатаем.

Л. Субботиной (Слободская). — «Искры» не пойдет — обычная история житейства, как это обычно пишут в любом и дружеском письме; «Зелень» — тоже не пойдет.

Е. Зелинкину (Смоленск). — Стихи очень неудачны, пожалуй, не стоит их писать. Очерк используем.

М. Поздеевскому (Николаев). — Присыпалась тобой три новые вещи — уже не бытовые очерки, а рассказы; таковыми напечатать их не можем. «Глаза пустыни» передали в журнал «Комсомольскую Правду».

П. Сапоню — Стихи твои читать нельзя; в них невероятное нагромождение слов. Подумай об этом, брось их писать. Лучше используй время на полезное чтение.

ПОЧТА „СМЕНЫ“

М. Покровской (С. Карпово). — Стихи не пойдут, они — ученические, несамостоятельные и неумелые. «Октябрьский клич» — очень плохое подражание Жарову.

В. Голятвянскому (Кривенчуг). — Присланый твой — неудачен. Нужно написать проще и добиться выразительности в кратком (лаконическом) изложении. Тема очерка в бытовом отношении не характерна. Подумай над другими темами, хорошенько присмотрись к жизни ребят и присытай ее.

Читателю И. И. (Орел). — Преслали в журнал «Крестьянск. Моделики».

Н. Смирнову (г. Родники). — Достоинство твоих стихов — их простота и бытовая скрупулезность, это многое для начала. Пока пиши в стендгазете, пошли в уезд, больше читай. Напечатать еще не можем.

Я. Гейне (Запорожье). — Напечатать не можем. Нужно еще много работать вообще и обрабатывать свои стихи в частности. Миного газетности. Большие перебои и иногда очень случайный подбор слов. Пересыпай «Комсомольскую Правду».

В. Афанасьеву (Козалин). — Стихи очень обычные, таких мы получаем множество. Попробуй прислать — сырдаринский очерк.

Э. Деричу (Херсон). — Стихи очень слабые. В поэме «Письмо» ты пишешь о трудности учения, и для хороших стихов нужно также многому научиться и упорно поработать.

Покажите советским национальным наукам, а «плоды» с него «братья» пока рано.

Н. Дахину (Петропавловск). — Стихи эти может кое-какой грамотный человек немного поупражнявшись. Но сделать их художественно-современными и богатыми содержанием не каждому дается; присланые вами — стихи первого рода.

В. Яковлеву (Тамбов). — Твои стихи — явно ученические, рабские и подражательные. В них слишком чувствуется школьная хрестоматия, пересочиненная своими словами.

Н. Добачевскому (Черниговской губ.). — Присланное не пойдет. Для хороших результатов вам нужно очень серьезно перечувствовать себя. На времябросить писать, почитать новую литературу, иначе будет — или перефразирование революционных песен или изображение современности в стиле поэтов 80-х годов.

Бондаренко, Я. — Рассказ изобилует такими подробностями и скверненькими, что неизвестно, каким образом можно избежать разрастаний и порнографии, ты вероятно сумеешь дать более удачную вещь.

А. Сухареву (Ленинград). — Тема рассказа о сельском разработана очень шаблонно. Чувствуется, что автор пишет по-наслышке. Берите более близкие вам темы.

А. Мурашеву (Ленинград). — Фельзин мало остроумен. О том, что шефы часто увлекаются болтовней, писали много. Выбрай более свежие темы.

Иванову, К. (Киев). — Рассказ совершенно бледен. Следует избегать газетных выражений, рассказывать не только о событиях но и о людях, притом показывая их, избегая поверхности зарисовки — в духе застекленного.

Кострову. — Самый способ ко-торым написан рассказ очень интересен, но отсутствует спокойный колорит. Шаповалов, спасибо, обще безлично. В основу рассказа не положено никакого развивающего действия. Не пойдет.

Ефиму Черному (Никольск-Уссурийск). — Отвечено личным письмом Володину и Любом.

Отвечено личными письмами М. М. и М. М.

Шталь (Донбасс). И. Белякову (Ленинград). Васильеву-Оленеву (Ленинград). А. В. (Харьков), Малуричу (Ленинград). Каменецкому (Минск). В. Стельчаковой (Минусинск). Е. Мун-тан (ст. Кущево). О. Ваненко (Анжерские копи), А. П. Семенову (Ростов и Дону). М. Л. Михеев (г. Коломна). Д. Горину (Ставрополь). М. Мультатули (Харьков). В. Будников (Витебск). А. В. Науменко (Нальчик). Н. Платонову (Томск). Г. Ланакорану (Бакинск, губ.). Матиринскому Глинтерику (Ленинград). Е. Булгарину (Краснодар). В. Воронину (ДССР).

Не пойдет.

З. Теличенко (Харьков). А. Орехову (Псков).

М. Ларичеву.

Девяткину (Тамбов)

Второй Крестьянский Выигрышный Заем.

Народным Комисариатом Финансов с 1-го ноября 1925 года начата реализация 2-го Государственного Крестьянского Выигрышного Займа на общую сумму в 100.000.000 рублей.

Заем выпущен на два года облигациями в 5, 10 и 50 рублей. Облигации приносят доход в размере 12% годовых. Проценты выплачиваются по купонам срочным на 1-е число каждого месяца.

Облигации займа участвуют в 8 тиражах выигрышей.

В каждом тираже на каждую серию (на 10 миллионов рублей) разыгрывается 3.281 выигрыш на 125.000 рублей. Выигрыши следующие: 1 выигрыш — в 5.000 руб.; 5 выигрышей — по 1.000 руб.; 25 выигрышей — по 500 руб.; 50 выигрышей — по 100 руб.; 700 выигрышей по 50 руб. и 2.500 выигрышей — по 25 рублей. Первый тираж состоялся в Москве с 15—30 декабря.

Облигации займа принимаются по номинальной стоимости в уплату сельхозналога в 1926 и 1927 г.г.

Продажа облигаций в деревне производится сберкассами, почтовыми отделениями, вол.-райуполномоченными и их контрагентами.

СОДЕРЖАНИЕ: На Онеге — Г. ШУБИН (рассказ продолжение). Шесть дней — ДЖЕК АЛТАУЗЕН. Как жив Владимир Ильич — А. МЕТЕЛЕВ. Мое первое знакомство с В. И. Лениным (Воспоминания) — М. ФАСИЛЬЕВ-ЮЗИН. Ленин и физкультура — Наркомздрза

Н. А. СЕМАШКО. Итоги XIV съезда ВКП (б) — Е. ЯРОСЛАВСКИЙ. Еерегите зверя — Проф. П. ЖИТОВ. Кровью и мозгом — Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ. Легенда — Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ. Пара пива — Июн. ШТРЕЗЕМАН. «М» и «Ж» в природе — доктор Л. ВАСИЛЕВСКИЙ.

Иллюстрации: В. ЕФАНОВА, С. ЧУЯКОВА и Н. ЯГУЖИНСКОГО. Снимки по материалам института В. И. Ленина при ЦК ВКП (б).

Обложка работы В. ДОБРОКЛОНСКОГО.

Отв. редактор П. КОЛСЕС

РЕДКОЛЛЕГИЯ { А. Гормов, П. Колесников, С. Соболев, С. Федоров, Д. Ханин.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6. Тел. 1-89-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХЧЛДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЫХ
ИЗ-ВО МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД

На 1 год — 24 ном.	4 руб. 10 коп.
• 6 мес. — 12 ном.	2 руб. 15 коп.
• 1 • — 6 •	1 руб. 15 коп.
• 1 • — 3 •	1 руб. 10 коп.
Отдельный № высылается за	20 коп.

Подпись принимает Отдел ПерIODИЧЕСКИХ
Изданий из-за „Молодая Гвардия“.

Москва, новая площадь, д. № 67.

№ 2

ЯНВАРЬ

1926 г.

НА ОНЕГЕ

(Продолжение)

Г. ШУБИН, иллюстрации В. ЕФАНОВА

АНДРИЯНОВ откашлялся и стал пережинать шум. Парни и девушки обстреливали его разочарованными взглядами. Девушки не понравились: некрасивы были. Парням не понравилось, что в «ем» нет никакого вида, дерзко борзяще, самого захудалого посланца». Андриянов должно быть догадался, покрасил. Первые слова сказал, запинясь, дальше больше лицо его ожинилось, испыхнуло, голос налился силой. Он говорил не так, как ораторы, но по-книжному, совсем просто, и речь его была понятна всеми. Очень подействовало то, что он переживал все, что говорил, даже жалко стало, как он мучился, когда говорил о страданиях молодежи в прошлом.

Когда он кончил, — наступило недоумение молчание.

Полученный ржавым Павлушка спросил:

— Товарищи, может, кто выскажется?

Молчание.

Никто не желает? Может революцию вынесем?

Из угла прутнулся Петякин бас:

— Предлагаю принять, что действительно; как говорят вкладчики для трущебящей молодежи наступила красный праздничек.

Другой голос добавил:

— И благодарю Советскую власть за внимание.

— Голосую.

Началась запись. Первым записался Петяка.

Потом Павлушка. Потом вся их шатия.

— Почему не записываются девушки? — воловался ржавый, — вы чего, красавицы, боитесь?

— Мы записались.

— Где?

— Тимошка... ты чего молчишь? Говори...

Тимошка встала.

— Действительно, — сказал он, обращаясь к одному ржавому, — у меня составлен списокчик, есть и девушки.

Ржавый обрадовался.

— Чего же ты молчишь-то? Давай его сюда.

— Мы всю яичку хотим, — сказал Тимошка, и подавая списка, — без этих.

— Дело в том, что в союз вошли такие

лица, такие типы, с которыми мы совместно работали, — Петякин продолжал проговаривать.

К тому же одна девушка не пойдет. И вообще,

хоть они и хотят быть молодыми большевицкими, ни таковые из них приядут ли выйдут.

А мы действительно хотим работать и сминаяться с людьми, которые будут мешать нам в наших национациях, — не хотим...

Петяка закричал:

— Браты, в наш огород камни бросают.

«Огольцы» закричали, засвистели.

— Мы насыпляем.

— Ага! Тимошка!

— Нет, ногоди?

Растяжливая встречных, Петяка рванулся к столу и, перешвыбая вымычки, заговорил:

— Это бы бременило Кокса Стальский подпертил. Он что-тошибко к нашему брату лиxиту начал. Не иначе как этот союз ему подсобился. А слам-то спутываться зазорно, вот он почице себе выбирает.

— Ненрава, — закричал Тимошка.

— Мы, товарищи, конечно, —язывил Петяка

кого-то, — школе не учились. Заметьте себя, и дробей не поднимай. А он понимает — Петяка ткнул Тимошку. — Я говорю: из дроби и глухарей стреляю. А Тимошку: смеяться. А я, говорит, суби в тетрадях записываю. Конечно, ему тоже симпатии суть. Но тут же чище, чищеется: А мы грязные. Мы по-нашему переднему не садели. И разве то не по-нашему: и мы с нормами имеем же хоромы. Всё...

— Ты что-ж это, «сука», — не можешь сам сказать?..

«Огольцы» закричали:

— Верно! Крой их, Петяка.

— Выбрай «крипала»: или мы, или они.

Павлушка поднял колокольчики.

— Потные нужно, ребята, спорить, — сказал

ржавый, я предлагаю помириться, ребята. Вы ведь все одной семьи, рабочей.

— Одной-то одной, закричал Петяка, да только они сыновья, а мы пасынки.

— Я предлагаю мириться.

Мириться никто не хотел.

— Устроимте перерыв. Может быть, все-таки

помиримся.

В перерыве ржавого обступили Тимошка и его рябка. Рассказывали про подвиги Петяки и Павлушка. Ржавый смеялся, но где-то в глубине карих глаз его заседала тоска. «Огольцы» сбились к дверям, угромые и злы. Все были уверены, что кричала выберет тех. Павлушка, бросив предательское место, убеждал, что как только кричала объявят, нужно хватать стулья и бить Тимошку и всю «ево свору». Петяка заодно сошегоном «попушил» ребер у ржавого «крылья».

Когда собрание началось, ржавый спросил у Тимошки:

— Не согласны мириться?

— Нет.

— Объявляю, что двух яичек на заводе не

допущу. Настоящий будет считаться ихня...

Андринов указал на Петяку.

Тимошка и его приспешники ушли...

Тимошка переминался, не зная, уходить им или оставаться.

— Как, красавицы, запишитесь? — спросил ржавый.

— Нет... с ними бы записались.

Девушки тоже ушли.

— Могу.

— Напиши что-нибудь.

Павлушка написал.

— Почеки сносный. Речи говорить можешь?

— Что ты? Когда чужие слушаю и то не все понимаю.

— Ничего, научим. Вот, Павлуха, будешь ты членом укома. Приезжай завтра работать.

Петяка тоже выбрали. Павлушка дулся сначала. Старинное соревнование заговорило и тут; хотелось, чтобы Петяка остался сади. Андринов уследил это, —принесли. Оба парня стихли, но глядели друг на друга, как лютые волки. Каждый по-разному старался заткнуть другого за пояс. Петяка все внимание направлял на внешнюю сторону двери: чина нарижался, ноги ишли склону, в сверкающей кобуре. Потышил скрипки, насыпал яичку, в кое-какую разорванную брошь. Петяка ходил чинно, важно, горд, ворчит мало, и когда говорил, то ежеминутно поглядывал на ручные часы, изображая собою ответственного, у которого на уме каждое слово и каждая минута. От зорьства своего он втыкал сразу же, точно отсек его.

Павлушка не в пример Петяке, ходил по-прежнему драмным, оборванным. Зато прятежко работал и на заседаниях, где Петяка обычно

удал искомым руку, постепенно дельно и кстати стал высказываться. И вскоре Петяка увидел, что, несмотря на все портфели, Павлушка ушел вперед. Его оставил в укоме для постоянной работы, а Петяка как бы секретарем, яичек, так и остался. Когда он приходил в уком Павлушка спрашивал его как постороннего:

— Тебя что?

— Не чайкой, сами хозяева.

— Ну, у меня до тебя пакет есть.

Павлушка разрывал пакет, склонялся и читал:

В яичку т. № 36. Срочно по

уполномоченному ответственности секретаря

и членов партии секретаря

Ребята знают, что им будет не до писулек, что птицы позабудут их, как только они уедут, но внимательность девушки успокаивает их.

Павел сидит один, глаза его ищут знакомый синий платок и не находят. Он одет по обычному, у него нет праздничного наряда, и рядом с разраженными соседями он чувствует себя худо. Может быть, Груша и здесь, но стыдится подойти к нему, обворачиваясь, и нарочно прятчется. Может быть, и ей и нет, она гуляет с кем-нибудь, уходит и целеустремленно, вернее всего с Петкой, его тоже не видно. И зал качается перед ним и гоняет душинки, стучится в уши назойливый и генукий:

— Павлик, что ты молчишь?

— Я... Я...

— Я тебе говорю честный час, а ты не отвечаешь...

Это ты, Катя, ну, как у тебя дела?..

И Павлик смеется, потому что подумали, что он трус, а глаза мечутся, ищут и не находят.

После несметных уезжавших попросили в библиотеку, тут же при клубе. У дверей, придвинутый к стекне напором толпы, Лаврентий Прокопьевич, директор завода, проверял входящих.

— Иван Павлович, проходи. Осадите, граждане. Так куда? Стол?

Но ребятишки, как вода, просачивались с входа.

В библиотеке на подоконнике беззаботно лежал пузатый, трехнедельный самовар. Петка, забыв свой укомольский чин, наполовину подсовытые стаканы, а девушки из чайники разносили их по столам. Другие, пересчитав людей, резали сбитый на равные ломти и обносили по два кусочка каждому.

И вдруг, точно молния обожгла Павлу лицо. Груша подскочила, густо уставившимся, медленно, бежеражила платья вокруг стола, а Петка, сидя на ней, протягивались руки и снимали стаканы. Она никого не замечала, опустив на поднос забытый взгляд, но, поравнявшись с Павлом, шепнула:

— Возьми крайний.

И пропала дальние.

— Петка, — спросил Павел, сколько кусков сахара в этом стакане?

— Один, как и у всех.

— Груша, пlessин-ка нам по стакашку пойла. Груша подлетела.

— Ты чего Пашке два куска положила?

— Я?

— То-то я.

— Я и тебе положу два...

— Зачем ты сказал, зачем ты сказал... про сахар, — упрекнула Груша, шумя платком,

Груша отступила. Рука Петки, притянутая к стакану, застонала в воздухе: он ничего не понимал. Но для Павла было ясно, что Груша считает его хвастунишкой, болтуном. И рой догадок, как пчелы, вился в его уме. Может быть, она просто из жалости положила два куска, потому что он уезжает. А новое платье надела, потому что пойдет на свидание, может быть, с Петкой, он красивый, хороший юноша. И лицо Петки снова начинает не нравиться Груше.

Кругом говор и шум.

Лаврентий Прокопьевич, ворочаясь на табурете, говорит, поклонясь по колено, и с каждым словом из его рта выпадают бранзы и падают в бороду.

Саша иначе видел какой-то Кушайте, кущащийся ребята. Быстро прокинула японка, пошевелив в убогую, слышу завод шумят. Что за чорт-шумят. А у меня от раненых в голову звонки разные иногда в ушах, бывают: — притихли думаю. Растопкал бабу! — Послушай-ка, говорю.

— Шумит, — говорит баба. — Глуха и ты матушка, — говорю, — не может он шуметь и приказу о спуску не было и пистолетом на войне, без пистолета не может завод шуметь. Ну-ка подними! Грунитку, у ней уши молодой, дощечки-точечки бреются, говорит Грунитка: — Баскета бреются, «рамы» визжат. Бархудар: баскет поет дроворезка ему гуськового генешем подливает. Шумят.

Но Грунитка тут же вынырнула на улицу, и уже будто день на улице, и солнечко так блещет в глаза дядя след. Идут навстречу работникам, смеются, отворачиваются.

Ты что, говорят, без портсигар бегаешь, в одном нижнем белье, в милицию тебя надо... А я бегу, бегу — к заводу.

И что за чортопёлы, бегу, добежать не могу. Бегу час, бегу час, добежать не могу.

Идет вовсют пистолет Подковыркин.

— Ты откуда, говорю, взялся, с фронту убежал...?

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На сколько раз, — спрашиваю, — завод идет?..

— Эхина, — говорит, — я уж давно приехал, фронты все пошибаны и вчера я у тебя на имениях гулял, забыл что ли?...

— На все восемь...

— И ты цыцулья, спрашивай, — Тимофей работает?

— Тимофей убит. Цыцулья сам работает.

— Как сам? Без человека. Да он весь товар учредил! Что за непорядок? Под суд меня не пустят.

Бегу, бегу, добежать не могу, а и этого позверсты. Слыши, как и вагонетки на бирже позвязывают, доски хлюпят, двери воняют, а не могу добежать. Будто ноги кто деревянной опутал, и за зад тянут, ищениши кто-то в кальсоны, гоняют...

Так и не добежал проснулся.

И что же... барахтаюсь я на полу у кровати ногами в одеяле, а за кальсоны меня котенок тянет, играет. Так горько стало. Попал в уборную, глупну в яблочко, молчит завод, и в боксу, в то место, где снаружи молчит завод, белыми досками с писани-ка. Гоняют-то пластиры на ране. Эх... писани-ка.

Сон всех удивил.

— Главное дело цыцулья, — сказал бородатый кузнец Семен, недавно вернувшийся с местного северного фронта и вновь мобилизованный партичкой, твой порт, — горячка Семен.

— Никак не пойму. Они говорят не умеют и у них нет привычки спать.

Дядя Бонапартил пытается Подковырина.

— Ишь ты, на имениях, говорит, был.

— До имений и до снайдов было охочь любил пить. Было подточки не стыдно на стаканах работали, сколько за вином бегали. Как-то он там. Встречтись...

Лаврентий Прокопьевич винил стакан, и снова брызги, как бисер, посыпались в бороду.

— От дум такие сны видятся, — вздохнул он притяжко, со сномистом. — Не приведи и недругу бывшего директора, когда завод не работает: карто-тара... Уж вы там постараитесь, поднажмите, братаны.

— Сырость, пlessин-ка, говорят, в мастерских. Что поиниши, все окси заключены.

— А ты оторви, претори. Оторви, а зимой снегу назметет.

— До зими заключаются. Да смазать покречча части надо, а то ряда изведет.

— И все наперебой, забыв о семейных расприях, скором отедзе загорпили, зашумели заспорили, засоветовали, как убечер и спасти завод. Пришел Кузьмин, секретарь партийный яички, чтобы приехавшие из города и по сматривали на стол, на остатки ситного, об'явил.

— Ночью приходит пароход из Архангельска, утром приправка.

— Привозят-ся к тебе, — говорит.

— Ешь, ешь, я sagt.

И избегает смотреть на стол, рассказал притихшим людям последние телеграфные вести с фронта.

Ребята, видя, что старшие оживились, тоже подобрались, выплынули во двор, разделились на группы, играли в городки. Расползлись на партии: «братья» и «беслы». Уже пиджаки и куртки на заводе были заскаканы руками, рабочими, взаимно замаскивались глаза. И Павел, забыв неприятные мысли, отчаянно сидя при каждом ударе, «перезжал» ким, мальчишеским диксантом:

— Пальба... пли...

И хлопал в ладони.

Звон ударов, крикотия, хохота и на поселком, покрыли все звуки.

— Бандиты... пли...

— Бандиты... пли...

— Бандиты... пли...

— Бандиты... пли...

Уже старшие всплыли по домам, ротат по последней, уже стори зажмукала клубника, перекрест посынила в края музака падалась, горялась звоном. Двор цвел масонок, лыжник, собаки влезли и...

Подиод Е. и, уводя П. глубь двор, рокко сказал:

твой... несешь полную ответственность, если кто из мобильных не явится на посадку. Врач-затяжка.

Константина Петровича — отчеканил Петя, вздернув брови — не знаю, как у вас, а у нас шкунников нет. Даю честное слово.

— Чего ты еренишься? Мне в ухомарке тоже говорили...

— Я не за себя. Мне за яичку обидно.

— Это хорошо, что тебе за яичку обидно. Молодец! Но помни: ты секретарь, ты отвечашь.

И он успел. Петя потер виски, они жгли пальцы. Неужели это яичко, в его яичке, которую он бодал, ударило его с любовью, страдая и радуясь, — неужели в яичке есть шкунники? Он поднялся к пригромам, пересчитал тех, которые должны ехать. Пересчитал сзынова.

— Пашка, Стального не видал?

— Нет. Пашка... пли...

— На спектакль он был?

— Но помни. Не был.

Петка скзал губы.

— Завтра... подумал он, — явится ли завтра. Ох, уж я его. Хотят... он подумал и решил, — никенересной погоды в театре в истерике, ну, и плачет воле ее, а завтра притихнет.

Вздых голос разнесся по дому. «Безымян» обагрились «красными». Девушки забыли в ладони, машущими запястиями. Побежденные, как хорошие рисаки, прокатили победителей кругом двора.

— Ну, что, братва, по домам, — спросил Петка?

— Р-рано, — противнуло несколько голосов.

— Да-да рано становиться.

Но отрывались в дороге. На моторке

кататься Аль-Джадида?

— Кто вам ночью моторку даст? — кричали

Петка и Павел вместе...

— Сами возвращаем...

Видно было, что ребятам не хотелось домой, к родным. Вместе они надеялись веселее, скоротать последнюю ночь.

Они пошли к пристани. Девушки тоже. Павел протянул Петке руку.

— Я пойду. У меня мать болеет.

— Ну, что же еще спидишь? Ты, Груняшка,

— Нет.

Она, как белая бабочка, неосторожно вилась возле них, и Павел думал, что она идет Петку-братья румянец захел его щеки. Он пошел, стукнувшись, взволнованные шаги сплющились сзади, когда он остановился, подождал, и они пошли вперед, вслушиваясь в шум, песни доносились пристани. Бело дрожало над ими голубое, зелено было светло, как днем, и только тишина напоминала о том, что это ночь, белая, польская ночь.

— Пашка, скажи, Польшу победят, большие они не будут?

— Думаю, что нет.

— И ты... И вы все вернетесь сразу же матно?

— Я не вернусь.

— А отчего, что светло. На юге бывают и

церви, окруженней венцом березок, осталась. Здесь пути расходились.

— Ну, Груша, прощай. Будь хорошей комсомолкой. Матери не слушай, она не современная. мой отец, он наш человек. Пес... Петя тоже скажет советом...

— Притихшие глаза вонзились в него, были смыслом. Павел ничего не сказал, не сказал. Груша вздохнула, выврала руку у вспотевших пальцев, и белое платье, как бахрома, покрыла улицы, и Павел услышал:

— Трусишь! Трусишь!

резь у первых смеялись каждым листком. уши, пригибаясь под снегом цветов, вторили зеленою шумихой.

VII

БЕЛ поднялась в свой дом по зыбкой, скрипучей лесенке. Мать лежала в постели, закрыла глаза. Отец в кальсонах, склонился у изголовья, с evangelием на губах. Он читал про нагорную проповедь, встававшую передо мной. Увидя сына, сунул книгу, снял очки, привер их слоновой кости на пачку спать. Мать открыла глаза, плакала. Павел приближался,

учиняя тебе? Был доктор? риходил. Говорит: лучше, то-же он лекарства не дал?

— Ну, говорит. Все вышли. Кто масла приносит, тому есть. я был, уж я б ему задал...

и вытащил из кармана сверток, зашвартовавший.

— Вот, мама, нам сегодня в клубе давали... Хлеб. Белый, по три ломтика, — сказывал он, — один я изничтикал, а два принес: один для другой тякте. Поесть ситного, лучше будет. А вот сажа-хару укрыл глязки — это тебе, утром с чаем питьешь. Ты, слезай, ситный есть.

Отец не отвечал.

— Ешь сам... — сказала мать, — мне есть ничего не хочется, я могу. Она зашевелилась и застонала. Ох... — наставила она мне, — обилья его, окроинки едами, как купоросом смешала, — я воняла, — я воняла. Один остался. Была Дуня, песни пела, померла, и нет некому. И Витя превратился, утонул маладечник, — я воняла. Помрь, а он вонялся на том свете. Ох... — там селедки в кухне остались — воняли. Моя, мама, паренек один трусишкой наизнанку. Ну, ты спи... и я спать буду. Не броши и ты. Спать.

Павел осторожно на поясочках, направился в соседнюю комнату и прикрыл дверь. В комнате от красных ситцевых занавесок был розовый полусвет. Пол, стены, столовы — все было розово. В этой маленькой, чистенькой комнаташке Павел читал, писал, спал. Вся она была увещана иконами, фотографиями тутешек, башушек, дядь. На столе лежала библия. От книг, от икон, от

лавицы, пахло ладаном и каким-то другим затхлым запахом, которого у Павла не было. Он пробовал приблизить к лицу воздух, раскладывал свои книги, но от этого воняло выбрасывать их вон. Все осталось прежним. И Павел стыдился звать товарищей в гости.

Он лег в кровать, не раздеваясь, и заснулся. Об отъезде не знал. Говорить или нет? Лучше не говорить, так можно уехать без слез, без упреков, но в этом тайном уходе было что-то нехорошее, воровское, пакощающее то, ради чего Павел шел. Сказать — еще хуже. И Павел тихонько засыпал.

А Грушка — дура, много от себя мечтает. Другие найдутся. Павел вынышнет, будет жить в Кремле, в институте, не вернется. Нет, вернется, увезут в Москву отца, мать и... чтобы она увидела. Пусть она плачет, Павел ее никогда больше не побьет.

До окна дотронулся рука, чтобы смыть стекло. Павел вскочил, раздернул занавеску и обомлел. Внизу белела Груша, манила его. Павелку пригнулся, трепетные руки обожгли его. Грушка — она со стоном приподняла к нему. Губы ее были бледные и блаженые, как веничный лепек, но блуждали по лицу, как вспышки огней. Небо, дверь, кардинал, на котором сидел, спрашивал точно в бреду, точно не веря в то, что видел.

— Груша, ты ли? Груша, ты ли?

— Да-да, Груша! — бормотала она, — вот дурачек... Так бы и уехал, не сказав ни слова ей. А я-то ждала, злилась, Петек выдумывала, тебя задирала. Не женишься ты во-веси, если таким скользь будешь...

— Да-да увидят...

— Ну, Груша! Бежим на берег!

Долго сидели в обрамье на камне, заслоненные от всех кустарником и осокой. Рядом звенел ручей. Он шириной рукой бежал по камням пропориц и живой, как змия. В том месте, где он привался в реку, речная трава шаталась, плывали пузирь и пена.

— Сколько тебе лет, Груша? — спросил он.

— 16.

— Минимумнадцать. Когда я вернусь...

— Я же говорила, тебе убьют...

— Я предполагаю, ты меня жги. Я буду большишь членом...

С заводью трубы?

— Выше. Я буду жить в Кремле, и приеду на автомобиль. Я способный. Мне нечего делать. Я выступаю на больших митингах. Петек девятнадцать, а он бояться. Я смелый, только девушки боятся. Вот увидишь, приеду на автомобиль, а шоффер будет в рожок играть... И я буду стараться, чтобы людям жилось хорошо. Вот увидишь. А особенно буду следить, чтобы старухи не мешали жить молодежи. Поэтому Груша, что юность идет вперед, а старость драгает, драгает ее вперед, и старость драгает, драгает ее вперед, и старость драгает, и селам, стану спиринать музиков и рабочих: сии у тебя есть? — Есть. В комсомоле? Нет. Запись в комсомол. — Портреты вождей на стену он вешает? — Вешает. — А ты срываешь... Срываю... — Пшел в тюрьму. И вся молодежь будет в комсомоле.

Он вспотел. Груша растягивала и снова затягивала вокруг его руки.

Повисели трессы мимо бешено промыгнула морозом.

— Наша братка... — сказала Груша, — к морю ездили. Чуешь, пою...

Каждый взвих вспал, как насыщенный, как дерзкий вызов смерти и страха. Ее спина не была, но уже с током болел. Белоруссы заносили она хищные руки над молодыми певчими. И кроткая светлая ночь покорно брала эту удачу, это бесстыдение торжествующей юности.

В синем взморье, начинаящем розовать, вспыхнула обличья.

— Соловьи идут, — прошептала Груша.

— Да... уж светает...

Их почуяли, робкие и стыдливые, стали тревожны и торопливы. И много раз отрывались они, чтоб раздвинуться, и снова припадали друг к другу.

— Да, Павлик, вперед наука... тебе. Ну, пойдем, ведь еще приду провожать на пристань. Они поднялись.

— Слушай, Павлик... — вдруг кипрено заговорила она... — Не едим... останься. Мне страшно, убьют тебя. Притворись больным, останься. Мне страшно...

Груша прижалась к нему. Павел оттолкнул ее. — Молчи. Не смей говорить. Ты комсомолка, сиди...

Губы встретились в последний раз.

Павел пришел домой, сел на крыльцо и долго сидел без дум, без желаний. Во всем его теле еще бродил сладкий отзвук того, что произошло.

(Окончание в след. номере).

Л Е Г Е Н Д А

(ЭПИЛОГ К РОМАНУ «В СТЕПНЫХ ПРОСТОРАХ»)

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ, композиция С. ЧУЙКОВА

ДОЛГО шпало раскаленное небо. Долго цеплялись за землю багрово-огненный щар. Потом провалился куда-то со всем.

Шайтан изкинул на землю черную кошму. Но кошма бесполезна и душно в стени.

Перемешались степные запахи — горькая пыль, парное молоко, изысканный дым и теплый настой, кружая голову.

Тяжело пыхтят скот. Медленно бродят черные тени людей около kostров. Звенят кузнецами в траве, стонут перенада. А высок над землей разбрелись небесные озыны. Должно быть, от кизичного дама моргают яркими трепещущими глазами.

Широкими кругом сидят люди на кочточках под потухшего kostра. Сторачат словной по теплой золе. Лес и луга вспыхивают.

Проходит кривоногий волк по степи. Давно миновала. Затохла. И так же как в восходе солнца пропадает единой запах полыни. Должно быть, от кизичного дама моргают яркими трепещущими глазами.

Только у старого Мусы остали в душе легкий осадок польши. Но хорошо знает Муса, что все это тяжелое и страшное поздди. И ему хочется рассказать об этом тяжелом прошлом и о том, как хорошо теперь жаждет киргизский народ в полных смеха просторах.

И старые воины посмотрели в его сторону, старый Муса начал:

— Вот слушайте...

— Когда бог построил мир, он собрал всех шарей. И каждого побочерено спрашивал:

— Доволен ты зелей, которую я дал твоему народу?

Чары падали на колени и говорили:

— Благодарю тебя, великий Аллах. Земли, которую ты дал нам, хорошая. И народ мой доволен ею.

Когда очередь дошла до киргизского хана, он тоже опустился на колени и сказал:

— Я не могу отдать тебе, Аллах, за ту землю, которую ты мне дал. Земли хороши, Ханьи нельзя. Но мне обидно, что ты дал нам одну безгласную равнину. Нет возможности окинуть ее глазом и нет бугорка, с которого я мог следить за тем, что делается на моей земле.

Подумал бог и сказал своим строителям:

— Соберите все, что осталось, у вас от постройки земли и сделайте посреди степи место, на котором были бы леса — самыми густыми, пурпурными, ее горы — самыми красивыми и пусть будут в ее озерах сама чистая и прозрачная. Когда прибудет испытуемый в озерах, он будет белый как снег.

И сделали строители так, как велел бог.

А бог позвал еще раз хана и сказал:

— Я сделал так, как ты просил, но ты должен помнить, что земля, которую я дал, принадлежит не одному тебе, а всему киргизскому народу. Ты будешь жить на этой земле и будешь править киргизским народом по закону, который я тебе дал. А чтобы ты не нарушил закона и не присяжал народу, я пошлю в степь могучего орла. Он будет жить на самой красивой и высокой горе и оттуда будет следить за тобой. Если ты будешь нарушать закон и будешь пристязывать народ, орел будет наказывать тебя так, как я велю.

Упал хан на колени и сказал:

— Великий Аллах... Я все сделаю, что ты скажешь в законе.

«Но когда вернулся хан в степь, он не следил за своим слова. С первого же дня стал нарушать закон.

Чтобы увеличить богатства своего сына и сделать его еще более златным, хан отбирал у джигитов скот и детей себе. Чтобы лучше укрепить свою власть, хан забирал земли бедных родов и отдавал боям. И боя разбросали славу о хане во всем четырехстороннем земли.

Велика сила хана и несметны богатства его! Всю степь покрылись ханскими табунами и вся земля в руках великого хана!.. А на большой и зеленой поляне, среди дремучих лесов и высоких гор, расставил хан свои бесчисленные кибитки. Много серебра и золота, много разноцветных камней и много шелковых халатов в кибитках хана. И в самой большой белоснежной из них, украшенной шелком, коврами и оружием, живет сам хан с маленькой сыном и нет на земле детьми — красавице и умнее ханского сына! Живет

и пирит хан, окруженный красивыми женами, храбрыми джигитами и златными башмаками. Не знает хан о нужде и страданиях своего народа. Позабыл хан, что орел летает над степью и видит все дела хана.

Пришло время наказания.

В тот день, когда солнце пытало над степью, а маленький сын хана играл на поляне у озера — срезанной лесом, — орел спустился на землю, схватил когтиком ханского сына, улетел с ним на высокую гору и там, на глазах хана, стал клевать сердце ребенка.

Клокот ярда и крик маленького хана гудели по всем четырем сторонам степи.

Заревел хан от горя — точно медведь застонал. И собрал хан со всей степи лучших стрелков — приказал им стрелять в орла. Но гора была гора высока, что ни одна стрела не долетела до орла. Тогда позвал хан на помощь белого царя. А белый царь послал в степь русских. Пришли в степь с огнем и свинцом. Они убили могучего орла. Но было уже поздно. Орел выклевал сердце ханского сына. Прекратилась ханская род.

Так тюрьма гора, на которой живут могучий орел, стала называться «Ок-жетес». А русское огненное и свинцовое покорили киргизский народ и построили из всех четырех концов степи, четыре города: один — на постоке, другой — на западе, третий — на севере, четвертый — на юге.

Долго летели из городов в степь огонь и свинец. Долго стоял киргизский народ под властью белого царя.

И наступила в степь славный батыр Кенисара, сын Аллаха. Появился в глухой темной пещере на высокой и синей горе. Оттуда поднялся против русских всю степь. Поднялся из пещеры храбрых джигитов и обделенных джигитами. Хорошо дрались славный батыр Кенисара с русским. Совсем блыкала была пора свободы для киргизского народа. Но ушел Кенисара к богатым узбекам. Полюбила дочь кокандского хана и позабыла про борьбу родного народа. Гулять стал Кенисара. Многе кумысы пил Кенисара, много красных девушки было около Кенисара. И рука Кенисара не занималась против родного чада. А узбеки и хорезмийцы ловушку. Продали Кенисара русским. Погиб Кенисара. Надолго пропала свобода киргизского народа. Опять наступила власть белого царя. Синева синечай покрылась земля царскими чиновниками. Опять загудели стон и плач киргизского народа по всем четырем концам степи. Долго гудели.

А на землю пришел большой батыр Ленин. Долго ходил по земле Ленин, долго смотрел по всем четырем сторонам — слушал стоны и плач обиженных людей, собирая своих храбрых комиссаров и красных орлов — болшевиков.

И покрылась земля тучами красных орлов. И загудели стон и плач — гром, огонь и свинец. И летела от них царская саранча — по всем четырем сторонам земли.

Пригнал Ленин царя и его чиновников. Но в степь пришел новый царь — белый правитель Колчак. Он грабил степь. Он наскakovал женщины и девушки. Он гнал джигитов на войну. И еще больше стоял киргизский народ под властью Колчака.

Услыхал стон киргизского народа батыр Ленин и собрал своих красных орлов и сказал:

— Пойдите в степь! Протоните Колчака и его чиновников. Отдайте степь тем, кому она принадлежала! И сделайте так, чтобы на степи не было в степи ни бедных, ни богатых, чтобы все люди стали равными, потому что я принес всем людям новый закон. А чтобы баки, хохлы и казаки, живущие в степи, поскорее забыли царскими чиновниками, вместе с нами я посыплю в степь молодого и могучего орлена. Он будет жить на горе Ок-жетес и оттуда будет следить за тем, чтобы никто не смел нарушить новый закон. А если баки, хохлы и казаки нарушают законы, я призову киргизского орлена наказать их и выпнати сонсем с степи.

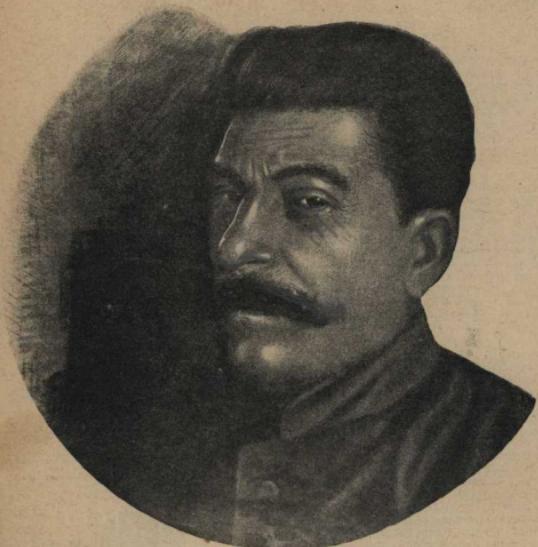
Так сказал большой батыр Ленин и так сделали красные орлы. Теперь степь вольная и никто не может нарушить новый закон, потому что на высокой горе Ок-жетес живут молодой и могучий орлёнок.

Умозъ скрипучий голос старого Мусы. Долго молчали джигиты, стручили белую слону на потухший kostер и думали...

И Т О Г И Х I V С'Е З ДА В К П (б)

Е. ЯРОСЛАВСКИЙ

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

XIV С'езд партии вошел в историю большевистской партии, как один из важнейших исторических съездов. Он проходил в обстановке исключительной. Мы впервые имели серьезные успехи социалистического строительства в час, уже настолько значительны, что даже наши противники социал-демократы — как, например, известный австрийский социал-демократ Баумэр — признают их. Они пишут, что наша партия «весьма удачно» и «весьма спокойно» и что у нас многое сделано, можно назвать социалистическим. Мы стоим перед дальнейшим развертыванием нашего хозяйственного организма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. И тем, что с'езд стоял в дальнейшем развертывании нашей единой промышленности ввоз из-за границы цветом оборудования наших фабрик и заводов постройки заводов, которые могли бы сами производить оборудование для наших фабрик и заводов. Но с'езд принял ряд мер к тому, чтобы улучшить условия труда, расширение государственной торговли, черезение и укрепление монополий внешней торговли, развитие социалистические силы хозяйства, всем этим партия наша утвердила стала на социалистическую рельс.

Мы должны были определить, что из себя представляет наше хозяйство. Споры об этом были, именно из тех трудностей, какие произошли в поворотах нашей истории. Мы этих историй не скрываем, мы говорим классом большинством. Партия показала, что она вся знает эти трудности и что она готова дружно бороться и дружно их преодолеть.

Художник шел вспомогательными вопросами, относящимися к деревне. Да, деревня сейчас другая, 1917 г., другая, чем в первом, военном изма, другая, чем начальнико введения новой политики; да, в деревне есть «заботящий себе брох» и запускающий свои «шишки» в крестьянское хозяйство кулак; да, тоже в деревне выделялся слой бедняков, которые деревни выделялись бедняками и бедняками. Партия твердо оказывала этой бедноте большую поддержку, оказалось до сих пор, организо-

вать эту бедноту, сомнить ее с серединкой массой, обратить внимание на то, чтобы союз между рабочими и крестьянством охватывал не только массу бедноты, но и массу среднего крестьянства, добиться того, чтобы кулак не имел влияния на серединку.

XIV с'езд нашей партии должен был отметить не только укрепление нашего хозяйства внутри страны, он отметил все возрастающее значение нашего Союза ССР в мировом хозяйстве.

Некоторым казалось, что ССР находит преобладание международных интересов, как только упомянуто его собственное хозяйство. XIV с'езд подчеркнул, что мы останемся и вперед, как были раньше, одним из самых боевых отрядов международного рабочего движения, Коммунистического Интернационала, что братский союз с пролетариатом других стран мы и вперед будем укреплять все более и более.

XIV с'езд партии уделил особенное внимание вопросу о профессиональных союзах. Решения, принятые в XIV с'езде, дают возможность привести в работе профсоюзов более четкую политику. Союзы все более становятся действительно широкой коммунизма, действительного вовлечения рабочего класса в социалистическое строительство. Вместе с притоком новых кадров рабочих в развертывающуюся промышленность, еще не покорившие деревни, еще не пропросившие школы, классовой борьбы, профсоюзы должны будут проделать огромную работу по воспитанию этих новых кадров.

МОЛОДЕЖЬ!

ИЗУЧАЙ РЕШЕНИЯ XIV СЪЕЗДА,
ЧТОБЫ ДРУЖНО ПОМОГАТЬ
ПАРТИИ В ЕЕ ТРУДНОЙ РА-
БОТЕ.

XIV с'езд партии особенно обсуждал вопрос о Комсомоле, дальнейший рост которого ставит перед партией сложнейшую задачу воспитания в коммунистическом духе не только сотен тысяч молодых пролетариев города, но больше чем миллионной массы крестьянской молодежи. С развертыванием нашей промышленности рост Комсомола как в городе, так и в деревне неизбежен. Может быть, через год мы будем иметь более, чем двухмиллионную армию Комсомола. Поэтому самой главной задачей задача воспитания этих кадров, состоящих большей частью из крестьян, как коммунистических кадров. XIV с'езд партии уделил этому вопросу исключительное внимание.

XIV с'езд партии, конечно, проплыл мимо вопроса о регулировании дальнейшего роста нашей партии. Партия наша имеет в настоящее время 1 миллиард 88 миллионов членов и кандидатов. Если она будет так расти, как росла за последние два года, то не трудно видеть, как она будет привносить в свою среду все более и более сырье пласти, менее, чем прекрасные школы классовой борьбы. Опасность заключается в том, чтобы было потери за количеством, чтобы партия разбухла за счет неоформившихся элементов, чтобы партия коммунистов и вперед оставалась такой же маленькой, болезненной коммунистической партией, способной и в мирной и в боевой обстановке к железной дисциплине, к выдергиванию большевистской язвы. Партия не может остановиться и не должна останавливаться. Партия должна принимать в свои ряды все, что есть революционного, коммунистического в рядах рабочего класса, лучшее, что есть в деревенской белноте, в Красной армии, но она должна очень будущим относиться к расширению численного роста своих рядов. По этому вопросу у нас были горячие споры с частью ленинградских товарищей, которые считали, что мы можем в ближайшем времени, в ближайший же год, добиться того, чтобы в нашей партии было 90% рабочих от станицы до села, и поэтому предложили более осторожную линию, которую еще на XI с'езде партии советовал нам проводить Владимир Ильин, предлагавший удлинить срок кандидатского стажа для каждого, требующего, чтобы принимали в партии рабочие, имеющие определенный производственный стаж. Он предлагал «дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительны делали стаж «сердечным испытанием, а не пустой формальностью».

Свои решения XIV с'езд занесены организационно.

Он избрал исполнительный и руководящий пары Центральный Комитет, который состоял из всех крепкое, большевистское ленинское ядро, в который вошли новые товарищи, выдвинутые на массовой работе на местах. С'езд в борьбе с национализмом, предложил нам состав Центрального Комитета соответственно духу решений, которые были приняты подавляющим большинством. В этом направлении было избрано и Центральная Конгрессовая Комиссия. Весьма интересно, что Центральный Комитет нашей партии, в свою очередь, Центральной Комиссии одобрили, были подавляющим большинством с'езда. К сожалению, у нас не было полного единодушия. Разногласия с Ленинградской делегацией поставили с'езд перед необходимостью провести открытую дискуссию на самом с'езде. С'езд показал, что неверные взгляды Ленинградской делегации не только не имеют поддержки в нашей партии, но не имеют поддержки в широких массах Ленинграда. Никакого сомнения в том, что в ближайшее же дни голоса ленинградских коммунистов будут звучать в один тон с голосами всей партии.

Партия переименовалась из РКП — Российской Коммунистической Партии — в ВКП — Всесоюзную Коммунистическую Партию. Это не пустая формальность, решение это имеет громадное практическое значение. Как РСФСР превратился в СССР, в Союз Советских Социалистических Республик, так и наша партия, правящая Коммунистическая Партия, превратилась в Союзную, она охватывает все те коммунистические партии, которые входят в насторожнее время в инициативу Союза, и она не изменяет своего названия, если бы к нашему Союзу присоединились другие республики, другие государства, другие обединения.

XIV с'езд партии — свидетель успехов, укрепления, роста нашей партии, нашего Союза, укрепления, роста дела коммунизма.

Напрасно враги наши думали, что спор с профсоюзами товарищами внутри нашей партии может помешать укреплению и ослаблению наших рядов, к расколу. Этой работы мы излагаем нашему народу. Все силы мы поднимаем для того, чтобы достигнутые успехи разить дальше, чтобы работой нашей партии сделать непоколебимыми, прочными успехи социалистического строительства в нашей стране и тем обещать победу пролетарской революции во всем мире.

МОЕ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С В. И. ЛЕНИНЫМ

В МАРТЕ месяце 1905 года я выехал на некоторое время за границу. Петербургская и рижская организации дали мне письма, которые я должен был передать Владимиру Ильичу. На следующий день по приезде в Женеву я отправился к тов. Ленину.

Как и большинство, вероятно, товарищ, знающих Ильича только по его литературным трудам, речам на втором съезде партии и полемическим выступлениям, я представлял себе его наружность совсем иной, чем было в действительности. Мне казалось, что он должен быть высоким брюнетом с живыми, непременно черными глазами и мощной фигурой. Та сила и страсть, которыми, как электричеством, были насыщены каждая написанная им строка, каждая высказанная мысль, невольно материализировались в такую же огненную и могучую внешность их автора.

К моему крайнему удивлению, меня встретил коренастый, рыжеватый человек ниже среднего роста, с лицом монгольского типа, с добродушно-насмешливой улыбкой на губах и в хитро-прищуренных светлокарих глазах. Эти умные, живые, проницательные глаза и большая, характерная, уже тогда лысая голова, с огромным выдвинутым вперед лбом, сразу привлекали к себе внимание; но лукавая усмешка, искрящаяся в прищуренных глазах, вынуждала вместе с тем подтягиваться и держаться настороже.

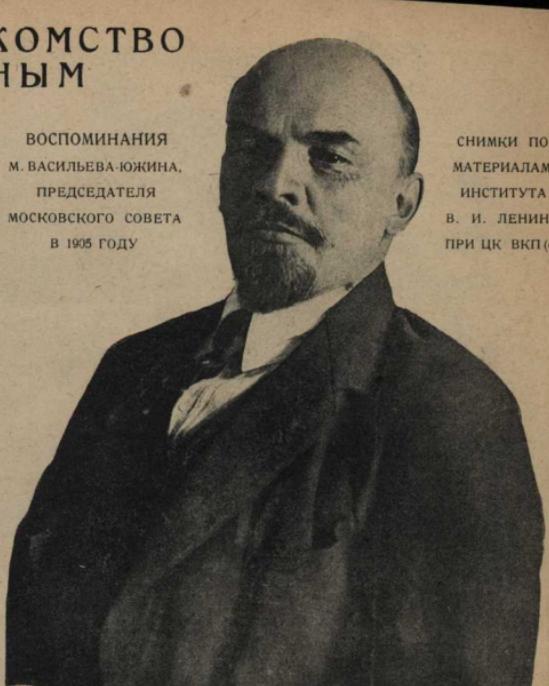
«Хитрый мужик», — невольно подумал я.

ВВЕРХУ: ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ в день своего пятидесятилетия (1920 г.). — **ВНИЗУ:** В. И. ЛЕНИН ГОВОРИТ РЕЧЬ (Митинг на Марсовом поле, Ленинград, 1920 г.).

ВОСПОМИНАНИЯ

М. ВАСИЛЬЕВА-ЮЖИНА,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
МОСКОВСКОГО СОВЕТА

В 1905 ГОДУ

СНИМКИ ПО
МАТЕРИАЛАМ
ИНСТИТУТА
В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б)

Встретил меня Владимир Ильич с обычным для него радушием, теплотой и товарищеской простотой. Почему-то я тогда же, при первом рукопожатии, обратил внимание и запомнил навсегда, что у него была очень мягкая, несколько

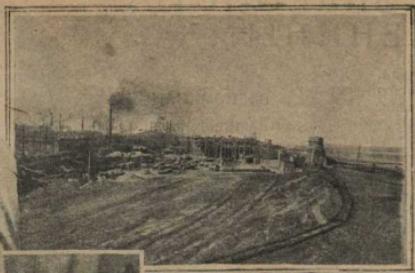
даже пухлая большая рука.

«Толстой где-то писал, что у Спенсера¹⁾ была большая, мягкая и пухлая рука» — еще подумал я тогда.

¹⁾ Сперанский — известный государственный деятель времен Николая I.

Ильич сначала спросил меня, член ли я в Петербурге и как я перебралась через границу. Я рассказал. А начались расспросы про события в Китае и о положении дел вообще на Каракоруме, где я провел года два. Слушал Е

ЛЕНИН УМЕР, НО...

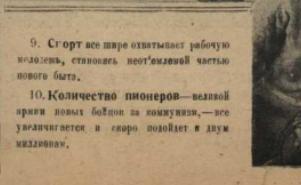
6

7

9

9. Спорт все ширехватывает рабочую молодежь, становясь неотъемлемой частью нового бытия.

10. Количество пионеров—великое приятие новых бояцов за коммунизм,—все увеличивается и скоро подойдет к двум миллиардам.

8

10

СНИМКИ

1. В промышленности мы достигли 95% посевного уровня. Этот снимок изображает землю в восстановленном Донбассе.

2. Наша связь с угнетенными всего мира усиливается,—поручил тому служит Коммунистический Университет Трудящихся Востока, веселый студент из ряда, спасший многих фотографов,—раз видеть „Смену“.

3. Союз Советских Республик крепнет: иностранные делегаты от Туркменской приветствуют III Съезд Советов.

4. Ленинградский Комсомол сейчас имеет более полутора миллионов членов—это подлинная сила. Чапаев, секретарь ЦК РЛКСМ, изображен на этом снимке.

5. Наука и Советской России занимает чистое место. Испытанный рабочий Альхимов, зу-чернцу ее руки в советском строительстве, здесь же одно из опытных известных проф. Павлова, именитого ученого.

6. Трактор—основа интенсивного земледелия, встречается деревней с расширением обжития. Быть может возникнут сотни агрогородков для совместной ин-обработки земли.

7. Ленинские заветы, все это рукается и относится к нему, собираю сеянье в Институте имени. Наш снимок изображает новое строение центрального Института по Советской площади в Москве. (Высота здания на здании панели).

8. Работа среди женщин приносит свои ру-жеты. Все увеличиваются число женщин, привлекаю-

ДЕЛО ЕГО ЖИВЕТ!

«СМЕНЫ»

активное участие в советском строительстве. Одна из них — «Пrestыниа-рабфаковка», изображена здесь.

11. Выходит новая деревня: разно, книги и шофера. Книги берут с гордостью. Во многих избушках вы видите в проходе портфели и его содержимое, означающие горючее удешевляющееся разно.

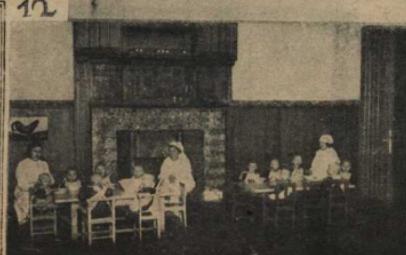
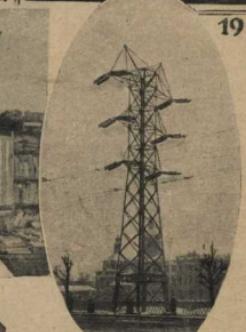
12. Красная армия совершенствуется в техническом отношении, пока ее новейшие военные достижения отставают до химического оружия. Наш снимок сделан на заседании химического отряда.

13. «Знание и мысль» — вот лозунг, под которым проходит все советское строительство. На нашем снимке показана рабочая библиотека, сеть которых покрыла всю СССР, давая спорные пункты для ликвидации неграмотности.

14. Партия прочно соединилась с деревней, — говорит партийный съезд. И вот крестьяне, выступив на полной Московской парламентской сессии, Толмачёвская фабрикучиночка — это и мало достижения Советской России. Вот залют как новые взоры активных рабочих-строителей советского государства. На нашем снимке — две консультанты-фабрикучины на текстильном предприятии.

20. Электрификации — детинце Ильича предстоит развязывать. Этот снимок сделан на величественной Шатурской электростанции и изображает зетонду, из которой посыпается торф и глины.

21. Рабкоровское движение в рост становится — показано тоже один из очень важных достижений, горящих об активности масс. Здесь изображены работы родоначальника заводской стенгазеты.

13. Советские машиностроение растет. — Ветротяг системы «Хайл» построенный советским заводом.

14. Дети — наше будущее: этот снимок показывает фабрики, организованые отраслью по окраине материнства и. Забота о детях выдвигается на первое место.

15. «Солнце, в воздухе муммы дровья» — отот броненосный паром, имел широкий пеник. Это некогда всплыла по время щелкнувшись за город.

16. «Лицо СССР, России» — «национальный символ, рождающий реагент, давший знания».

мир Ильич очень внимательно, время от времени задавая вопросы, чтобы получить особенно интересовавшие его сведения. Ответов он добивался ясных и точных, по возможности, с цифровыми данными. Кажется, в этот же раз я познакомился и с Надеждой Константиновной Крупской, добное лицо и внимательное сердечное отношение которой привлекало к ней всех после первой же встречи.

— Хорошо,—сказал при прощании Ильич,—вам непременно нужно сделать доклад о бакинских событиях.) сначала здесь, а потом в других городах Швейцарии. Может быть, устроим поездку и в Париж. Кроме того, извольте писать в газ. «Вперед»). Темы пока выбирайте сами, но было бы хорошо заняться периодическим обзором стачечного и революционного движения в России. Русская легальная пресса дает теперь много материала об этом движении.

Ушел я от В. И. Ленина с твердым убеждением, что это, действительно, крупнейший человек и настоящий политический вождь.

Я решительно примкнул к большевистской фракции еще в 1903 году, как только разобрался в сущности разногласий, всыхнувших на втором съезде партии. Но настоящим твердокаменным большевиком, большевиком на всю жизнь, я стал только в Женеве, близко ознакомившись с учением, взглядами и тактикой Ленина не только по его литературным трудам и полемическим статьям, но и по живым, непосредственным беседам с ним, по его жизни, его поступкам, тношению к врагам и друзьям, рабочему классу и к враждебным или чужим классам, по его ярким выступлениям на дружеских и враждебных собраниях, какой это был уже тогда огромный, сильный, кипучий и удивительно логический ум, сочетающийся с могучей волей, самостоятельностью и последовательностью во всем, что он начинал. Какой непокоримой верой в рабочий класс и его торническую миссию был пропитан он тогда!

Живо помню его вклад на совместном собрании большевиков и меньшевиков в Женеве после этого съезда и меньшевистской конференции. Меньшевиков в Женеве было чиально больше, нас. Первым докладом Мартов. меньшевики встретили его громкими одисментами, по пылая часто и во время речи, ибо Мартов явно волновался, ему необходимо сочувствие

В Баку в феврале года была организована губернатором и членом, вскоре после этой и победоносной хоки промышленных и чудовищная между армянами и азербайджанцами. «Вперед» — первая ениская газета, которую мы писали тогда в Женеве.

аудитории. Сутуясь и беспрерывно куря он вяло и длинно глухим и слегка хриплым голосом защищал якобы «марксистские» резолюции меньшевистской конференции и критиковал «якобинские» резолюции третьего съезда.

Я посмотрел на Ильича. Он сидел на эстраде в противоположной от докладчика стороне, облокотившись на стол и прикрывая ладонью свой большой характерный лоб и глаза. Лицо его было спокойно и внимательно. Только временами по губам пробегала ироническая усмешка.

Но вот Мартов закончил свою тягучую речь.

Гром аплодисментов со стороны меньшевиков; к кафедре подходит с несколькими листками в руках Владимир Ильич.

В своей речи он стал сравнивать резолюции, принятые третьим съездом партии, с резолюциями по тем же вопросам меньшевистской конференции.

Подробно отметил ясность, точность, последовательность и революционно-классовую выдержанность резолюций съезда, он с такой всесокрушающей критикой обрушился на половинчатые, туманные трусливые резолюции меньшевиков, с такой иронией и сарказмом высмеивал их, что присутствовавшие меньшевики буквально корчились и беспокоились от бессильной злобы и... вместе с тем невольно восхищались необычайной логичностью и силой доводов Ильича. Моментами некоторые из них аплодировали Владимиру Ильичу вместе с нами.

Тут я впервые особенно близко наблюдал общизвестную способность Владимира Ильича необыкновенно просто излагать самые сложные вопросы, почти гипнотизировать слушателей своей могучей логикой, самих насталивать на определенные и ясные выводы.

— Вот то, что я думал,—казалось в результате каждому слушателю.

И я целиком согласился с меткой характеристикой, данной Ленину еще в те времена тов. Троцким, который был тогда еще нашим противником:

«Если нужно сокрушить, уничтожить, добить врага, чтобы он не двигался, не шевелился, не дышал, нужно выпустить на него Ленина», — так приблизительно писал о нем тов. Троцкий.

ИЗУЧАЙТЕ ВЕЛИКИЙ И НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ ВОЖДЯ.

УЧИТЕСЬ ЖИТЬ, РАБОТАТЬ И БОРТЬСЯ, КАК ИЛЬЧИ.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В ДОМЕ СОЮЗОВ.
Ильич в гробу

ПОСЛЕДНИЙ САЛОУТ УМЕРШЕМУ ВОЖДЮ: четырех часов пополудни
24 января 1924 года

КАК ЖИЛ ВЛАДИМИР ИЛЬЧ

А. МЕТЕЛЕВ

СНИМОК по материалам ИНСТИТУТА В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

XОТЯ Я встречался с ним только в тех случаях, когда этого требовала от меня моя служебная обя занность по Кремлю, но я хорошо знал, где и в каких условиях он жил.

Владимир Ильич жил в Кремле в здании Рабоче-Крестьянского Правительства, где ныне находятся Совет Народных Комиссаров и В. Ц. И. К. (Жил нача ла месяц или больше в Кавалерском корпусе, в 4-х комнатах, одну из ко торых занимает теперь Ольминский). Старые служащие Кремля говорят, что в квартире, где поселился Владимир Ильич, жили до Октябрьской революции прислуга прокурора.

Все квартира, в которой поселилась семья Ульяновых, состояла всего из пяти весьма небольших комнаток, выдающихся окнами на площадь имени Каляева. Мрачные, полукруглые потолочные своды во всех этих комнатах напоминали старинные терема, отличающиеся от последних только несколько большей высотой и отсутствием красок.

Комната Владимира Ильиша в 36 кв. арш. (т.е. ровно столько, сколько советские законы позволяли иметь каждому гражданину Республики, несущему определенную обязанность) имела всего одно окно. В комнате стоял небольшой письменный стол, металлическая кровать, небольшая шкаф, одно или два кресла — и это все. Здесь В. И. спал и работал долгими ночами. Кто знал его комнату, мог всегда наблюдать когда он работал, как поздно ложился спать и когда вставал по утрам. Когда приходилось проходить по Кремлю в поздние часы, всегда можно было заметить освещенное окно комнаты, за которым работал Влад. Ильич, и только далеко за полночь в комнате наступала темнота.

Расположение его жилища было весьма неудобно: с одной стороны была маленькая столовая, с другой — комната Надежды Константиновны; входившие в ту или другую комнату обязательно должны были проходить мимо дверей Владимира Ильича, невольно создавая шум и беспокойство. Тщетно мне предлагали перенести комната на лучшую, большую: Владимир Ильич не хотел слушать. Маленькая комната, в которой он жил, его удовлетворила во всем. Единственно, что ему не нравилось и на что, как потом мы узнали, он изредка жаловался, — это скрип старого паркетного пола, особенно сильно нервировавший его перед болезнью.

Когда после первых приступов болезни врачи предложили Влад. Ильичу переехать в Горки, и когда прогулки по Кремлю стали неудобными и почти невозможными, перед нами встал вопрос о ремонте и приспособлении его квартиры. К тому времени мы только и узнали о скрипе пола в квартире. Зная, что Влади-

Кровать, на которой умер Ленин (Горки)

мир Ильич не позволит «по широким планам» проводить приспособления квартиры, я выработал со специалистами скромный план ремонта и написал объяснительную записку. Через день или два Владимир Ильич возвратил этот план тов. Енукидзе, приложив к нему свое письмо такого содержания:

«Тов. Енукидзе.

Убедительно прошу Вас внутьшиль (и очень серьезно) всем завед. ремонт. квартиры, что я absolutely требую полного окончания к 1 октября. Непременно полного.

Очень прошу создать их всех перед отездом и прочесть сие. И внушиль еще от себя.

Я нарушения этой просьбы не потерплю.

Привет. Ваш Ленин.

Найдите наиболее расторопного из строителей и дайте мне его имя. Я буду следить».

Я так и ожидал, что Владимир Ильич сундет и без того мой узкий проект и установит точный срок окончания работ. Террасу, которую я спроектировал построить над зданием В. Ц. И. К., он в принципе утвердил, но размер самой террасы велел сундету по указанных им же самим размеров, очевидно, имея в виду, что чем меньше она будет, тем дешевле обойдется и тем скорее будет построена.

Определяя в упомянутом письме срок ремонта квартиры, Владимир Ильич имел в виду, что к этому сроку он вернется из Горок в Москву приступит к работе. Рабочие, стоявшие на ремонте, узнав, что Влад. Ильич желает вернуться к работе 1 октября, работали день и ночь, чтобы только к сроку окончить ремонт. Нужно было видеть, с какой любовью они относились к великой чести поработать для своего учителя и вождя. Многие из них и до сих пор гордятся сознанием, что были и работали в жилище любимого ими человека.

Во время работ у меня часто возникала мысль: какими силами побудить или уговорить Владимира Ильича пере-

менить комнату на более удобную, лучшую и большую по площади, но все было напрасно; мои попытки кончились ничем. В решениях своих он был абсолютно непреклонен, всегда заявляя: «Нет, нет, все хорошо, ничего не нужно».

Когда квартира была к указанному времени подготовлена, Владимир Ильич, возвратясь из Горок, сейчас же поспешил повидать тех рабочих, которые работали в квартире, и, обняв их, благодарил, крепко посыпал им руки. Рабочие, не видавшие до того лично Владимира Ильича, были глубоко тронуты его необыкновенной простотой и искренностью, с которой он их благодарил.

Спустя несколько недель после работ я вступил в Соварникоме Владимира Ильича и предложил ему кое-какие улучшения в домашнем быту. Он молча меня выслушал и от всего отказался. Это была моя последняя с ним встреча. Разговор был очень короткий, и меня поразило не то, что он не позволяет проявить некоторой о нем заботы, — меня страшно поразил его вид, — он выглядел прямо больным. Выходя из комнаты, где я встретился с ним, я задавал себе вопрос: зачем он спешил возвращаться к работе. Удивительный человек Ильич, прямо не сидел себя...

Как был прост Владимир Ильич и как он не любил хоть сколько-нибудь выделять себя из общих житейских рядов, — могут служить доказательством его расписки, сделанные им в свое время в талонных книжках нашей кремлевской парикмахерской, где он записывался как все, и ждал своей очереди. Нагло просило ему предлагали место вне очереди, говоря, что он более всех занят, что ему надо спешить и т. п. «Все однаково заняты», — отвечал он, и, дождавшись своей очереди, пользовался платой, деньги, потом снова расписывалась (шрирок был такой) и уходил работать.

Часто его можно было видеть гуляющим по Кремлю или разговаривающим у курсантами и рабочими. Из разговоров с ними он узнавал, как они живут, в чем нуждаются, каково их настроение и т. д., если были какие-либо недочеты и нужды у курсантов или рабочих, — вызывал кого следует и предлагал на медленно же принять соответствующие меры к их устранению. Так была спрощена его личная жизнь — полна глубокой простоты, исключительной скромности и необъятной заботливости и любви к людям, к товарищам...

БЕРЕГИТЕ

(ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ)

**СОВЕТСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО**

забо... в этом
о развитии в госу-
дарстве того дела,
которое называется
«Охраной при-
роды». Недавно
вышел декрет,
которым устан-
дливляли порядок
устранения засло-
н и из запретов
для охоты участ-
ков, строгие пра-
вила охраны та-
ких участков и
иные положения,
касающиеся охра-
ны имущества
государства.

Нечего и говорить о том, что дело охраны природы и всяких природных богатств есть дело государственно-войской важности. Всякий разумный человек, подумавши, согласится с этим. Но не всякий понимает ясно, как велико то убытки, которые несет все государство хо-
зяйство от неразумного и нерас-
четливого отноше-
ния к людям к
окружающей его
природе. Немногими примерами лег-
ко доказать суть
дела, размер та-
ких убытков.

С древнейших времен в наших лесах на Севере и

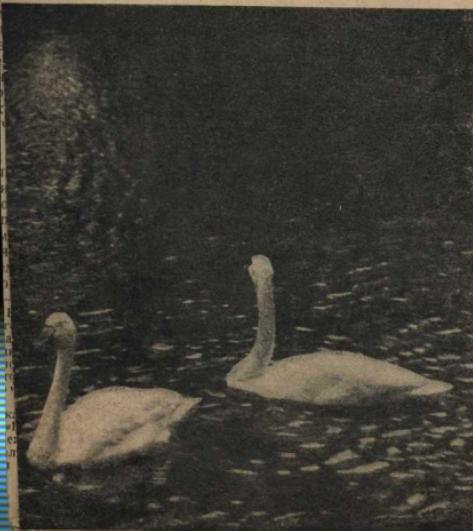
в Сибири добывают много пушных зверей: куниц, белок, видр, норок и других лесных животных, имеющих ценную шкуру. А в степях ловят лисицы, корсаков, хорьков, горностаев. Много мехов обрабатывается и носит. У нас дома, еще больше вывозится за границу. В прошлом году мехи вывезли на 60 миллионов рублей. Понятно, что про-
мысел пушных зверей очень важен для госу-
дарства.

Шкурки пушных зверей годятся в дело и имеют полную стоимость только зимой. Летом лисы или белка шкурка—глаза, волос редкий, некрасивый. Весной и осенью—лишь ту же волос лезет, шкурка стоит лешево. Ясно, что добывать пушного зверя можно только зимой. Однако, из жажды к прибыли, охотники часто бьют и ловят и весенним и осенним пушным зверем. Шкурки продаются за бес-
ценность, а зверь погибает и в дальнейшем становится его от усложнений в болезни от беззаботной охоты все меньше и меньше. Весной ловят часто беременных самок, убивают, таким образом без толку приплод, который можно было бы выловить на следующую зиму. От таких неразумных действий большие потери терпят и промышленники, и государство. Строгие правила, ограничивающие промысел пушных зверей, совершающиеся необходимы.

Заметно также всюду и в центральных губерниях, и в Поволжье, и на Юге—большое оскудение дичи. Спросите теперь охотников—как дело. Скажут—плохо, страдают, ничего. А между тем одни охотники били дичь на про-
сторах, другие купались в стаду. Были от этого подпоры, холопства. Но охотники только стрелять во весь гол и без разбора. Нужно учить ее и охранять, и разводить, как это делают в государствах Европы и Америки. Иначе дичь постепенно уменьшается в числе, а в конце кон-
цов ее не станет.

Так у нас и было. Пропали во все леса, ко-
зул; мало очень остались в лесах глухарей. В речной пойме, где-нибудь на Оке, Суре или Мологе—места для дичи хорошие: озера мелкие, кориные; зарост ивников и камышей густые,—есть где гнездиться. Болота, конца нет. Но на-
право бродят охотник и день, и два. Редко-редко, где спугнут утку или кулиса! Это так потому, что все хотят охотиться, но мало кто хочет ра-
зумно оберегать дичь, наблюдать охотничий за-

ЛИСИЦА — ДОХОДНОЕ ЖИВОТНОЕ:
этот снимок сделан на
лесной ферме, где ли-
сицы разводят в неволе,
как овец, склонитель-
ной ради их меха.
ВНИЗУ: ЛЕВЕДЕЙ
эта птица, когда-то
бывшая совсем не ред-
костью, в диком виде
учелена только на
крайнем Севере

ВОТ ЗВЕРЬ, КОТОРОГО СЛЕДУЕТ ИСТРЕБЛЯТЬ: размножение волков за последние годы стало настоящим бедствием в деревне, где волки причинили много ущерба скоту и часто нападали на людей

З В Е Р Я

Профессор Б. ЖИТКОВ

как и не быть слишком много всегда, когда представляется к тому случая.

Чтобы бороться с оскудением дичи и пушных зверей в культурных государствах устраивают заповедники. Это отведенные государством уголья — иногда в десятки или сотни тысяч десятин площадью, которые охраняются. Там запрещают не только охоту, но иногда и рубку леса, охоту, сенокосение. В таких заповедниках должны на покое разводиться пушные звери и дичь. Из них звери и дичь расселяются в соседние уголья, на которых же можно охотиться.

Понятно, что для таких заповедников требуется охрана, и охрана строгая. Но еще важнее всякая охрана, чтобы граждане государства понимали пользу таких государственных учреждений и сами не нарушили бы правил охоты."

У нас существует теперь несколько больших государственных заповедников: один на Кавказе, устроенный, главным образом, для того, чтобы сохранить поэтического дикого быка-зубра; другой в Крыму, — там разводят оленей; третий в устьях Волги, где останавливаются стада перелетных водяных и болотных птиц; четвертый — в Сибири, в Саянских горах, для охраны и разведения соболей и других пушных зверей.

Государственные заповедники устраиваются по распоряжению правительства и требуют денежных средств на управление и охрану. Но всякий городской или деревенский союз охотников может по своему постановлению "заказывать" на время часть своих угольев, управлять временными "заказниками", в которых размножаются несколько лет охота и может разводиться дичь. Чем больше будет устраиваться таких заказников, тем более будут лучше и тем лучше будет охотничий. Если склонен на всех угольных из гова в том нет охота, то дичь скоро и совсем не будет. Как в сельском хозяйстве при севообороте части поля дают отдыхать, так нужно давать отдыхать и части охотничьих угольев.

Большое оскудение заметно за последние десятки лет и в нашем рыбном хозяйстве. В морях, как Каспийское, Азовское и Ледовитое, еще держатся запасы рыб. Там простору много. Но в реках, даже в больших реках тоже становится все меньше и меньше. А в небольших речках, озерах и прудах местами из водки ее выловили. Должен быть отдана раба. Поэтому есть законы и правила, когда можно ловить, когда нет. Нужно не саживать рыбу и, где нужно, не вылавливать малых. Теперь уже умеют люди устраивать даже искусственные рыбные пруды и разводить в них рыб. Динес лишились пастбищ только с лесных деревьев и в лесах. Но когда люди делаются образованнее, они вымучиваются и разводят плодовые деревья. Так и с рыбой, и со зверем. Теперь и зверей разводят в лесах, а многих пушных зверей держат в неволе, как домашних животных. От

БОБР В ЕСТЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ. Эта фотография сделана в Радомыльском уезде Киевской губ., где экспедиция Отдела Охраны природы нашла небольшие поселения бобра, уничтоженные от истребления.

БЕЛКА В ЗИМНЕЙ ШУБЕ—её недорогой серый зимний мех имеет большой сбыт, и белка поэтому один из наиболее истребляемых пушных зверей.

домашних лисиц получают шкурки так же, как от овец. Только шкурка дорогой черной лисицы стоит в 100 раз дороже, чем баранья шкурка.

Среди множества пород животных есть такие, которые вредят хозяйству человека, и есть, напротив, такие, которые ему полезны. Многие насекомые точат яблоки в садах, поедают капусту и другие овощи, повреждают хлеба, портят деревья. Миши и суслики тоже поедают хлеба на корню, а мыши едят хлеб и складах. Это животные, вредящие хозяйству. Но зато

разные мелкие птицы кормятся сами и кормят своих птенцов насекомыми. Другие птицы из тех, которых мы называем хищными, ловят мышей и всяких других зверьков, повреждающих посевы. Все такие птицы (а их множество) приносит много пользы нашему хозяйству.

Чем меньше птиц в садах, огородах, лесах и около селений, тем больше разводится всяких гусениц и других насекомых, разрушающих растения. Скворцы, ласточки, тоже питаются насекомыми, и их правильно неплохо люди. Но зато часто отпускают других птиц, а деревенские и городские жители походу разрывают гнезда птиц, гнездящихся, таким образом, своих деревьев и бутылок, которые очищают плодовые деревья, ягоды и нашину от вредителей. И если нужно не уничтожать, а всячески прикармливать, чтобы разводились их как можно больше, и чтобы держались они вблизи жилья. В Германии и других странах на деревьях, в садах и лесах ставят домики вроде скворечниц, чтобы удобнее было в них гнездиться птицам. А зимой, когда корму мало, зимующие птицы—подкармливают, чтобы они вернее пришли из вены и вылетели. Тогда очень немногие хищные птицы приносят вред, потому что ловят дичь, мышей и т. д. а иногда и домашнюю птицу. Поэтому птицы, и в особенности мелких, никогда не нужно без нужды убивать и прятать, тем более нельзя разорять их гнезда. Это самый вредный обычай, который обходится людям очень дорого. Но не все это знают. Нужно стараться улавливать живые птицы, а не бояться понимать то, что происходит в природе вокруг человека. Понимая окружающее, человек начинает к природе относиться разумно и понимать, что надо не разрушать и не только пользоваться дарами природы, но и беречь нужное ему и насаждать новое и полезное.

СЛЕВА: ФИЛИН, который в отличие от мелких сов, истребляющих только грызунов и птиц полезных, — признается вредным и должен уничтожаться. Он причиняет много вреда мелким дичи, до этого включительно. **ВНИЗУ:** ЛЕСНАЯ КУНИЦА (слева) и ЛВЕЦ (справа) — за пушных зверей, подвергнувшихся сильному истреблению из-за сбоя в меха.

ЛЕНИН И ФИЗКУЛЬТУРА

Наркомздрев Н. А. СЕМАШКО

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ был настолько велик и всеобъемлющ, что, кажется, нет ни одной отрасли работы, где бы он не оставил того или другого, прямого или косвенного следа.

Такой косвенный след оставил он и в физкультуре.

Владимир Ильич не был спортсменом. Но езду на велосипеде он любил. Недарко в кампании делали мы по воскресеньям экскурсии в окрестности Женевы, а также Парижа. Один раз под Женевой с ним произошел такой случай. Поздно вечером в праздничный день возвращался он с прогулки в город. Все тротуары и мостовые были запружены народом-пешим, велосипедистами, автомобилиями. Владимир Ильич ехал по мостовой по средине. Вдруг сзади прямо на него налетает автомобиль. Еще момент и Владимир Ильич был бы сшиблен им. Но по счастью он не растерялся, ловко скочил с велосипеда и быстро пригнулся на тротуар. Велосипед его оказался смятым автомобилем, а сам он остался невредим.

Владимир Ильич очень ценил основу физической культуры — естественные силы природы. Он недурно плавал и любил купаться. Но особенно он любил свежий воздух. Как бы он ни был занят, но свежим воздухом хоть немного, хоть раз в неделю он пользовался. Особенно поучительно для нас то, как проводил Владимир Ильич «физкультуру труда и занятий».

Теперь уже всем ясно, что НОТ есть часть физической культуры, именно выработка способности правильно и про-

дуктивно работать. В этом отношении Владимир Ильич остается образцом до сих пор.

Он отлично сознавал, что производительность труда зависит прежде всего от его обстановки.

Он понимал, что в испорченном воздухе человек скорее утомляется: кровь не получает кислорода и не омывает, не освежает органов, прежде всего, мозг. Поэтому Владимир Ильич тщательно следил за свежим воздухом во время заседаний. Курить абсолютно запрещалось. Вентиляторы, зимой, форточки и окна летом открывались на заседаниях. Бывало сам он, веля заседание СНК, садился на подоконник открытого окна и глотал чистый воздух.

Другое важное условие для производительности занятий — тишина. Шум, развлекают и утомляют. Владимир Ильич строго следил за соблюдением тишины. Он категорически запрещал дышаться и строго грозил пальцем, если соседа перешептывались между собой.

Бот этому всему особенно учиться нам всем, и прежде всего — изложил. Ибо НОТ (т. е. физкультура) в нашей трудовой стране составляет одну из важнейших частей физической культуры.

А. Семашко

ПАРА ПИВА

Инж. ШТРЕЗЕМАН. снимки Н. ЯГУЖИНСКОГО

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ собой этот горьковатый напиток в зеленых бутылках? Как получается пиво на гигантских заводах и стоит ли пить его?

Впервые научились варить пиво 4000 лет тому назад египтяне. От них способ приготовления перешел грекам и другим европейским народам, и пиво настольные привились в Европе, что к IX веку не было, кажется, ни одной европейской семьи, которая не варила бы пиво.

В России научились варить пиво с давних пор.

Однако пивоварение стало в России не только за последние столетия, а особенно развились они с 1900 по 1914 г. Этому обясняется тем, что пивоваренная промышленность стала применять последние научные и технические до-

бмы¹. Эти раздутое достоинством были пущены в свет предпринимателями, пивоварами- заводчиками, которые и создали былое настоющую славу цветности и полезности пива. Однако, пиво, хотя и заключает в себе некоторые питательные вещества в легко переваримой жидкой форме, но количеством их так незначительно, что даже очень хорошее пиво не может сопаренивать холода с овощами.

Постоянное потребление пива в больших количествах делает человека флегматичным, ленивым и равнодушным. Опытение от пива имеет худшие последствия, чем от вина, что приписывается действию хмеля. Медицина показывает, что потребление пива в неусеренном количестве притупляет умственную деятельность и отупление наступает тем скорее, чем неумереннее потребляется пиво.

Тем не менее пиво пьют преизрядно.

В Европе и в С. Америке до войны выывалили мало, но много, как... 2,000,000,000 ведер ежегодно. Проходя мимо пивной, не всякий скажет что меньше всего пьют пива в СССР—хотя это страна, где пивоварения в Балтийске в году, в то время, как в Баварии—20, а в Мюнхене—даже 45. На каждого бельгийца приходится всего восемнадцать ведер, а на англичанина—одиннадцать. Ничего себе порция!

Солод—будет сладкий. В нем будет сахар. Откуда же взялся этот сахар? Из крахмала, которого в ячмене очень много. Превращает же его в сахар особое вещество, которое появляется в зернах при действии фермента¹

диастаза.

Этот фермент обладает удивительными свойствами—переводить гору крахмала в сахар,—и при этом диастаз не прибавляется и не убивается. Как будто диастаз это—какой-то волшебный крахм, сколько который крахмал проходит, превращаясь в сахар.

Ну, а для чего надобны дрожжи? А дрожжи переводят сахар в спирт. Этот спирт из сахара дрожжи производят тоже при помощи фермента, другого—бродильного. (Дрожжи это маленькие, сдали заметные глазу грибы, похожие на кроющие яички. Они хорошо живут и размножаются только в теплом сахарном растворе. Они потребляют сахар и расщепляют его на спирт и углекислоту, от которой бродящее вино, квас и сахар пенятся, а бродильный фермент находится в каждом дрожжевом грибе, и так же как и диастаз, во время работы не расходуется и не прибавляется).

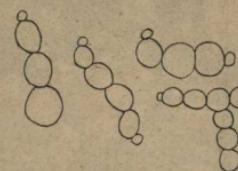
Эти ферменты, как и другие (есть фермент в сплюне—называется птиалин) он тоже крахмал превращает в сахар, если же он тоже птиалин или фермент в квасе—фермент кваса—они превращают белок нашей пищи и делают их переваримыми, даже казавшиеся свойственными только живым существам, принадлежностью только живого тела, которая самим коренным образом и отличала живое от неживого.

Сторонники всякого «духа» торжествовали—«вот тут на грани между живыми и неживыми, которую не перейдешь».

¹ Вещество, которое ускоряет превращение крахмала в сахар.

ПИВОВАРЕНИЕ ДЕЛАЕТСЯ ВОЗМОЖНОМ вследствие коренной разницы между свежим и проросшим ячменем. На снимке слева видны японские нитки корешка, при прорастании которых крахмал ячменя превращается в сахар солова от действия особого фермента, называемого диастазом.

СЛЕВА: ВТОРАЯ ОСНОВА — ЭТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДРОЖЖЕВЫХ ГРИБКОВ, которые превращают сахар, переданный в сусло из солода, в спирт. Они дают это при помощи бродильного фермента.

Такова история и география пива. А теперь пофилософствуйте о его сущности.

Что нужно для того, чтобы из ячменя получить пиво? Солод и дрожжи. А что такое солод? Проросший ячмень. Почему же проросший, а не свежий?

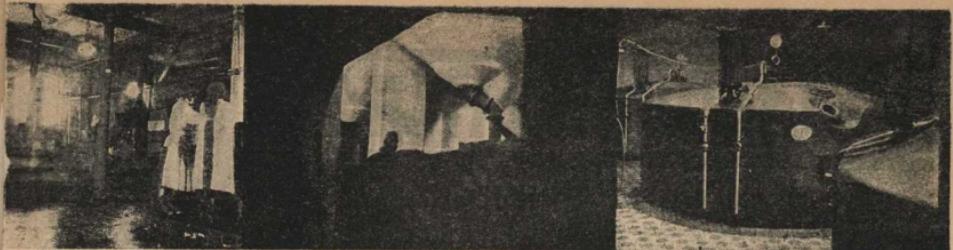
Пожалуйте свежий ячмень. Он будет же мучнистый, прочтый безвкусный, как

и таким образом улучшать и увеселить продовольствие. В настоящее время изготовление пива заведом распадается на три основных производственные существо: солода, варки и брожение пива. Для приготовления хлеба, преимущественно ячмень, очищается от сора, промывают и дают в воду в течение нескольких дней из воды ячмень ссыпается в ногреба, где ему дают прорастить, и вскоре станут длиннее самих зерен, полученный солод сушат, очищают и замачивают таким образом, что зерна, а зерна внутри ее разгорочась, и каждый сущий солод намачивается, оставляя после смешения с водой суплю. От способов намачивания солода и температуры, при которой происходит смешение, зависит изгото- вление много сортов пива.

Пиво имеет бурый цвет, приятный сладковатый, Европа и Азия. Варка просветляет пиво, и брожение придает пиву способность сохраняться. Затем оно через сита, которые задерживают волокна, попадает в холода, оттуда разделено в бродильные ящики с дрожжами и, наконец, годами для питья.

Наконец главное брожение заканчивается в бочках, складывающихся из двух полови- та в бутылки и на-

СЛЕВА: МОЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ на пивоваренном заводе. — В СЕРЕДИНЕ: СКЛАДЫ ЯЧМЕНИ на пивоваренном заводе. — СПРАВА: ОДИН ИЗ МНОГИХ баков, в которых хранится вареное пиво на заводе до его разлива в бутылки. Современное пивоваренное производство представляет блестящий пример промышленного использования лабораторной научной работы, — в данном случае исследований деятельности ферментов.

Но и эта картина скоро «оказалась» битой. Зоячим шепоту порошка перекиси марганица и брома в стакан перекиси водорода, которую полонят горло во время жажды или ангин. Перекись разложится на кислород и водород, а порошок останется без изменения и может не изменяться разложить хоть целое море перекиси.

Течко так же железо может соединять азот ¹⁾ с водородом ²⁾ в каком угодно количестве, т.е. может действовать как фермент.

Но попробуйте добавлять к железу ядовитого мышьяку или фосфора, и оно перестает действовать.

Оно отравится как отравимся мышьяком и ферментом мы с вами и наши ферменты с нами.

Мало того, —хлорформ, например, на время усиливает животные и растения, если его взять в меру. И тот же хлорформ усиливает на время и ферменты и точно так же усиливает и железо.

Вещество, значит, и в живом, и в неживом единично. Вся разница лишь в сложности; железо изменяет простые вещества — азот и водород, ферменты изменяют сложные тела — крахмал и сахар подобно тому, как простой рычаг подни-

мет только одно бревно, а система или сложное сочетание рычагов—машина паровоз—везет в сопровождении вагонов товарного поезда целый лес бревен...

Итак, от «пары пива» мы пришли к выводам относительно наших наслаждений природы. Кто хотел бы узнать об удивительных ферментах и катализаторах побольше того, что мы сказали, пусть прочтет прекрасную статью Шилова «Масло химических машин» в журнале «Искра» № 4, 1924 г. стр. 23—25), а кто пожелает узнать об этом еще больше—берите книгу Паладина «Механика жизни».

“М” и “Ж” В ПРИРОДЕ

(ОПЫТЫ МАНОЙЛОВА)

ДОКТОР Л. ВАСИЛЕВСКИЙ

В ЛЕНИНГРАДЕ, в тихой и скромной лаборатории, работает оригинальный ученик, Е. П. Манойлов.

Почти тридцать лет тому назад, будучи молодым судебным медиком, он стал в одном процессе в тупике, когда надо было выяснить, принадлежит ли пятно на платье убийцы крови мужчины или женщины. С тех пор он непрерывно работает над вопросом об определении пола человека (или животного) по химической реакции крови. В последние годы ему удалось, повидимому, решить эту задачу.

Перепробовав десятки различных химических реактивов, он, наконец, остановился на одном, с помощью которого почти бесподобно отличает мужскую кровь от женской.

Правда, насчет этой «реакции крошки по Манойлову» в науке еще нет единодушного, но сам Манойлов и некоторые другие учены, проверявшие его способ, утверждают, что ошибки определения пола бывают только при известных условиях и всегда легко объяснимы. Реакция эти приложений к людям, а при наличии некоторых болезней получается обратный результат: кровь мужчины дает женскую реакцию, а женщины—мужскую.

Так, напр., нормальная мужская кровь под действием манойловского реактива окрашивается в фиолетовый). Если же взять кровь женщины, большой базедовой болезнью, она даст бесцветную жидкость (мужскую реакцию), — напротив, кровь муж-

чины, страдающего половыми бессимптомиями, имеет женский тип (фиолетовое окрашивание).

Постепенно выясняется, при каких именно болезнях у мужчин бывает, так сказать, женский тип крови, а у женщин—мужской. Так, напр., в последние месяцы ленинградским ученым установлено, что при ряде душевных болезней, а также при многих половых извращениях тип крови бывает неправильный: у мужчин женский—и обратно. При отсутствии же этих болезней, способ Манойлова, повидимому, надежно решает вопрос о поле животного по его крови.

Любопытно, что с помощью этого спонсона можно определять также пол будущего плода, до его рождения.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛА У РАСТЕНИЙ

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ идеи Манойлова состоит в том, что с ее помощью можно определить «М» и «Ж» («мужское» и «женское») начало не только у людей и животных, но и в мире растений.

Реактив употребляется тот же самый, реакция «окисления» происходит здесь, как и выше.

Вместо же крови—у растений берется их сок: уже сравнительно давно установлено, что красящее вещество—«гемоглобин» в краяхиных шариках у животных и «эхлорфин» в соках растений по своей химической природе очень близки между собой. Сок у растений—то же, что кровь в мире животных.

И вот, исследуя пол двудольных растений, Манойлов пришел к поразительному результату, такому же, какой мы видели выше: если вытяжка из мужского экземпляра растения, то жидкость очень

скоро обесцвечивается, а если из женского—она остается окрашенной.

Это доказывает, что действительно существует кровное родство между двумя царствами природы—животного и растений. Впервые в науке это родство доказано таким образом на опыте.

«ПОЛ» У МИНЕРАЛОВ

Но Манойлов и этим не удовольствовался.

Раз решен вопрос об определении пола у животного и растений, т.е. в живой природе, то нельзя ли, исходя из тех же способов исследования, обнаружить «мужское» и «женское» начало также и у минералов—в так наз. «мертвой» природе.

В этот напряглении Манойлов работает лишь с недавнего времени и покуда успел подвергнуть изучению только 12 видов минералов. Очень эффективно его опыты с минералом «пиритом», которые мне пришлось лично видеть у него в лаборатории.

Пирит кристаллизируется в двух видах: в виде куба и в виде особой сложной фигуры, так наз. «додекаэдра» 12-гранник). И вот, если все тот же единственный реактив налит в пробирку с кубическими кристаллами—получится обесцвечивание жидкости («мужская» реакция), а если сделать это с 12-грановыми кристаллами—получится фиолетовое окрашивание, которое не исчезает—т.е. «женская» реакция.

Таким образом, идея единства всех трех царств природы, всей природы в целом получила новое подтверждение, на этот раз путем прямых опытов, в стеклянной пробирке.

¹⁾ Газ, которого в воздухе 79%; он не горит и поддерживает ни горения, ни дыхания.

²⁾ Газ, который хорошо горит и при горении выделяет воду.

подЗатыльник

АНДРЮШКИНА ПРИЧЕСКА

М. ПОДЗЕЛИНСКИЙ. Рисунки К. УРБЭТСА

...В ПЯТНИЦУ мимоходом с завода заглянуло нас несколько комсомольцев в свой клуб. После работы здорово хотелось отдохнуть—погнать в шахматы. Зашли в шахматную, а там дым коромыслом. Понаблюдало ребят, как дохнуть нельзя. И скай никто открыть не догадался. Споры—голоса. Сунули бакан с обмазкой и иссурируют ребят. Тому же самому разницу между дисциплинарной и ласкательной комсомольской в армии. Принцип ревизии. Не даром тут Фрунзе этот вопрос спася. Опять же не-зямы мы и доказали на тему слушали. Комсомолец в Красной армии—носитель сознательной революционной дисциплины. А вот К лыка Шимчиг никак не может понять, вздыхает и будоражит ребят. Он выскакивает, высывает новые Америки из пальца, ставит комсомольца в какое-то привлекательное положение. Попробуй, убей его, когда у него басне, что наш заводской гудок. «Бас, это ерунда, басон перекинуть можно, а убить трудно. дилекстик у тебя, тоб Шимчиг, мало!»— Это произнес наш секретарь. Он тоже сюда пришел. Голове разом к секретарю повернулись.

...*Не горой, братуха, с такой шевелюрой быть тебе комиссаром дисциплины...*

Колька сунул руки в карман, примолк, потом сплюнул себе на сапоги: «Ладно... послушаем твою, как се!...—Дилекстик!—подсказала кто-то и засмеялась. Секретарь спокойно уселился, и заяви:

Слышать не буду, а лучше расскажу вам одну красную „приглу”. Был факт. Дадите ваше мнение, товарищи, и тогда мы увидим, в чем закрипала гъвоздь спора.

Полное мочшение и внимательно—насторожившие взоры собравшихся выражали готовность слушать. Даме Колыка сел и сложил руки на груди.

— Вы помните, начал секретарь,—к нам в стоянке по звонку подбежали одногруппники Андрюши. Его постепенно тащили в транспорт. Хороший был товарищ. Работал умно. И комсомольца счастьем было честью носить. Но никто никогда не мог подозревать, что он влюблен в свою прическу. А волосы у Андрюши действительно было на рефлексе: густые, вьющиеся, сплюшной каштан. Он нарочно их не стриг. Бывало, выступает где нибудь на собрании, первым делом тряхнет локонами, мазнет вот этак по волосам, как какой-нибудь излазный оратор и начиняет: Товарищи, мы с вами переживаем такой трагический момент, когда мировая оголтелая буржуазия... и пошел и пошел в таком же духе. Говорил как артист, недаром в заводском драмкружке всегда на первых ролях. Про его волосы ребята наши много посмеивались. Васюков, например, первый был затеян... А он... он совсем марксист

у него и шевелюра как у Маркса», или „А как, Андрюша, зубри, в твой пуще не завелись еще”, и все в таком роде. Мы хохочем, а Андрюшка матом его. И ругался не по-нашему, а все по-иностранныму. Это, грит, „Чтоб новый был не нарушать!“. Карамба, мой секретарь, и тут же для порядка матом матом вилшил. А прическу не стриг даже больше—начал слизывать машинным маслом. И росли себе волосы. Васюков, как увидит его, так за бока. Андрюшка, братуха, побей меня, моши дага, да ты совсемживи!»

Ну и Андрюшина што—матом! Карамба, говорит,—банды ты эталя, по-твоему выходят—комсомолец вскотом должен быть, хуже всех людей? Ну все бы ничего, пускай себе форсит прической, да вдруг перед самой весной экстренное общарийонное устройство. И доказал, и допрызывные сбормы, и задачи комсомольца „на сборе“. Наши ребята, по-правде, немножко растерялись. Ну, потом ничего. Настроение приподнялось на 300 метров. „Даешь учебу!“ Но Андрюшика стал ходить немножко подавленным. Бывало, Васюков его встретил на поезде: «Не горой, братуха, с такой шевелюрой на тебе не сидеть дипломатом!»

Мы сидели в хоккее с Андрюшиком его карамбой кроет. Так подошли сбормы. Являлись с музой. Сборный пунт был оченя плохой. Не зямы, а подавляемы вместо коек—нары, топи—не топи, а все холодно, даже библиотека, ленинскую устроены были на славу. Командиры отнеслись к нам очень хорошо. Начали ожидать допрызывников и склонялись к коллегам. Устроили собрание. Опять ломали о задницах. Приняла хорошую резолюцию. О мерах поддержания образованной революционной дисциплины.

С непривычки тяжела была военная учеба. Бывало, устанешь, еле на ногах стоишь, но первым спать не ложинься. Побежишь в уголок—тохр состряпавши, то читку или комбинированый вечер. Интересная, живая была работа. Плохо было то, что не было пособий. Сборники, конечно, были, но разве не разваливались. На грани у двух архивных ворч погнал парочку вниз. Начинал моментально обильжение: „Сегодня в 8 вечера состоится сансуза“! Ну, пока судить да разини, пячальных пунктов призывают остырь всем волосы—пропустить через башню. Больше через „геноад“.

Приказание обязывал старшина. Ребяты разделялись на банды! Вот что значит новый быт. Смотришь, Андрей подходит к старшине по всем правилам устава: „Разрешите, старшина, сохранить мне волосы, я буду держать в чистоте и налечу вишни не позорить!“ А старшина, что, умывается: „Не могу—грит—приказание для всех одинаково“.

Слышать не буду, а лучше расскажу вам одну красную „приглу“. Был факт. Дадите ваше мнение, товарищи, и тогда мы увидим, в чем закрипала гъвоздь спора.

Полное мочшение и внимательно—насторожившие взоры собравшихся выражали готовность слушать. Даме Колыка сел и сложил руки на груди.

— Вы помните, начал секретарь,—к нам в стоянке по звонку подбежали одногруппники Андрюши. Его постепенно тащили в транспорт. Хороший был товарищ. Работал умно. И комсомольца счастьем было честью носить. Но никто никогда не мог подозревать, что он влюблен в свою прическу. А волосы у Андрюши действительно было на рефлексе: густые, вьющиеся, сплюшной каштан. Он нарочно их не стриг. Бывало, выступает где нибудь на собрании, первым делом тряхнет локонами, мазнет вот этак по волосам, как какой-нибудь излазный оратор и начиняет: Товарищи, мы с вами переживаем такой трагический момент, когда мировая оголтелая буржуазия... и пошел и пошел в таком же духе. Говорил как артист, недаром в заводском драмкружке всегда на первых ролях. Про его волосы ребята наши много посмеивались. Васюков, например, первый был затеян... А он... он совсем марксист

...И комсомольская вычка взяла верх...

Андрюшина испытуя: «Я подам рапорт самому начальнику пункта». Старшина ничего не ответил и ушел. Смотрим мы все, что дальше будет. Некоторые допризывники встали за Андрюшина. Одному тоже не хочется стричь, другому белья не хочется жарить, третий обясняет: позавчера был, а выв одни—надо писать рапорт.

Заскрипели первые пунты вашего распоряжения и тяжелые карамбы. Начинается все рапорты по обьединению. «Никакие просьбы отозваны! привлечение обязательное для всех». Андрюшина... и карамба тяжелко кроет. Конечно, стали мы разубеждать его, не зело, мол, затея паренько изобретатель нарушавши, где же твои образцы пример для всех? А он на либы: „Вы, говори бузите эрн... насчет примерности, а всегда перья в башу буду“! Ну и Васюков броси смеяться, серьезно к нему: „Не хвались, Андрей, слути и рвать, а хвались случу с рати“.

Не помогает, кроет всех карамбами, обеши жаловаться в парком. Подходит его аресте стричься. Отказывается. Командир взвода арест угрожает. —Пускай лучше отсюки, грит, чем неисправляемость соглашусь! И арестован. Итог: «Комсомольский, грит, такой мир не воспитывает; «Комсомольский, его сознательный, его арест—подрыв!»

Созывали мы собрание коллегиума. На повестке поступили Андрея. Привели былью и в хоккее вспомнили посторонний пунт. Андрюшка рушил воинскую дисциплину, в вместе с тем, чит, и дисциплину комсомола. Дискредитировал всех нас. Объявляет строгий выговор, а если подчинится приказанию начальника... исключают. Когда услышал такой приговор Андрюшка, засиял в раже. «Сколько времени я юдин с та прической, и коллегиум молчал, потому же тем существо забыл?» Объясняем ему разницу в условиях. Там другие условия, а здесь армия. Дали исать. Думал, думал Андрей и сдался. Комсомольская вычка взяла верх. Согласился повести служение наказание, признал его правильным в оче, двоих собраний разрешил разъяснить сущность своего неправильного поступка. И когда другой день, отбыл свой двухдневный вспомогательный курс в этом поселении, тренировки парни мы не узнали прошедшего отставшего Андрюшина. Но этот этот новый пунт с обостренной башкой сделался нам еще б дорогим товарищем. Васюков по привычке знал по лицу его: «Ну, Андрюша, теперь ты действительно марксист!» И что вы скажете, тол? После этой истории Андрей сделался «дисциплинированным допризывником на путь Всем и истории всей концепции. Что вы скажете на это, тоб Шимчиг? Виноват был Андрей или...

—Правильно ли он поступил с точки зрения комсомольской и военной дисциплины, что это было безусловно?

По Колькому молчанию мы поняли, что побежден...

«Комсомольца, грит, такой мерой не воспитаешь—он сознательный, его арест—это подрыв!»